

Елена
Самоделова



Расплетание косы, венечный
посад и свадебный поезд

МИО

Елена Александровна Самоделова
Русская свадьба: расплетание
косы, венечный посад
и свадебный поезд
Серия «Культура России (МИФ)»
Серия «МИФ Культура»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74331916

Русская свадьба: расплетание косы, венечный посад и свадебный поезд /

Елена Самоделова: ООО «МИФ»; Москва; 2026

ISBN 9785002811144

Аннотация

Свадьба на Руси с древности была не просто праздником, а тщательно выстроенным обрядом перехода в другой дом и рождения новой семьи. Каждое свадебное действие – от сватовства и «рукобитья», девичника и мальчишника, расплетания косы до венчания, свадебного пира и шумного второго дня – имело важный смысл. Свадебные чины определяли состав ритуальных эпизодов, устраивали испытания жениха и невесты, развлекали гостей. А яркие региональные особенности – первое надевание понёвы, причитания невесты и ее подруг, посещение бани, ритуалы «ёлочку выносить», «ступу выкатывать» и «овин

тушить», каравайные и корильные песни – делали свадьбу одновременно торжеством, состязанием и веселой забавой и тем самым закрепляли союз двух родов.

Содержание

Часть I. История свадьбы	7
Глава 1. О свадебных чинах как обрядовых персонах	11
Глава 2. Свадебный сезон и композиция свадьбы	17
Глава 3. Народные названия свадьбы и их смысловые наполнения	22
Глава 4. История записей древнерусской и дальнейшей свадьбы	27
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Елена Самоделова

Русская свадьба: расплетание косы, венечный посад и свадебный поезд

Книга не пропагандирует употребление алкоголя. Употребление алкоголя вредит вашему здоровью.

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Самоделова Е. А., 2026

© Оформление. ООО «МИФ», 2026



Часть I. История свадьбы



Свадьба – центральный праздничный обряд в жизни человека и всего его рода – расценивалась как инициация (от латинского *initiatio* – «посвящение»), обряд перехода из юношеского периода во взрослый, как сакральное явление и таинство с многочисленными магическими знаками и символами. Это мнение ученых базируется на том, как проводились свадебные обряды у разных сословий, начиная с царей и кончая крестьянами. Серьезность действия, его коллективный характер дополнялись увеселительной частью, театрализацией многих процессов, сценичностью их исполнения, продолжающими линию древних игрищ и более позднего народного театра.

В Российской империи до Октябрьской революции 1917 г. создание семьи утверждалось таинствами обручения и вен-

чания, а юридически закреплялось записями в метрических книгах. Старообрядцы-беспоповцы, появившиеся после раскола Церкви из-за реформы патриарха Никона в 1650–1660-е гг., не признавали священников с их церковными службами, а потому народный свадебный обряд с пиром считали достаточным основанием для начала супружества.

Свадьба нашла отражение в волшебных сказках. В них герои добывают невесту или оборачивают ситуацию в свою пользу («Пойдем в деревню, – отвечает дятел: – там свадьбу справляют, будет чем поживиться»¹); в концовках встречаются указания на свадебные события как лучшие моменты жизни: «Присватался сусед, свадебку сыграли, и Марфуша счастливо живет. <...> Я на свадьбе был, мед-пиво пил, по усу текло, да в рот не попало»; «Тут веселым пирком да за свадебку; взял Иван-царевич за себя Марью-царевну, и стали себе жить-поживать, добра наживать»² и др. Очевидно, свадебная символика в качестве украшательных элементов проникла в волшебные сказки позднее, когда основные сюжеты были уже созданы, а мотив добывания невесты еще не соотносился с классическим обрядом свадьбы, записанным начиная с конца XV в.

Свадебный обряд присутствует и в былинах. Так, Добры-

¹ Афанасьев А. Н. Русские народные сказки. В 5 т. / Под ред. А. Е. Грузинского. Изд. 4-е. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1913. Т. 1. С. 91.

² Афанасьев А. Н. Русские народные сказки. В 5 т. / Под ред. А. Е. Грузинского. Изд. 4-е. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1913. Т. 1. С. 131. № 52а. С. 140. № 57.

ня Никитич на свадьбе своей жены Настасьи Никуличны с Алешей Поповичем гостил неузнанным, сыграв роль скомо-роха. Былины возникли на более поздней стадии культурно-го развития, чем волшебные сказки. Они ближе к тому пе-риоду, когда формировался русский свадебный обряд, хо-тя точное время создания и этих эпических произведений неизвестно. Встречаются там и старинные наименования су-пругов и других участников свадьбы, например, в указанной былине из популярной антологии «Русские народные были-ны» (1904):

*Солнышко Владимир тот тут сватом был,
А княгиня Апраксия свахою!
Они у живого мужа жену просватали!*³

А в былине «Чурило Пленкович» князь Владимир удив-ляется:

*Не думный боярин ли, не сватовицк
На моей на племяннице любезной
На душке Забаве на Пуятичной?*⁴

Былина «Соловей Будимирович» с редким сюжетом о сва-

³ Русские народные былины. По сборникам Кириши Данилова, Рыбникова, Киреевского и Гильфердинга. М.: Издание Т-ва И. Д. Сытина, 1904. С. 98.

⁴ Русские народные былины. По сборникам Кириши Данилова, Рыбникова, Киреевского и Гильфердинга. М.: Издание Т-ва И. Д. Сытина, 1904. С. 106.

товстве к племяннице стольнокиевского князя Владимира из той же антологии завершается концовкой, сходной со сказочной:

*Ай тут у князя у Владимира
Да не пива-то варить, не меды-то сочить,
Веселым пирком да за свадьбку!*⁵

Многие произведения классической художественной литературы включают описания свадьбы или ее эпизодов. Например, в незавершенном романе «Петр Первый» А. Н. Толстого (1929–1945) царь угощает свою молодую жену Евдокию Ларионовну Лопухину жареной курицей. Этот свадебный момент писатель включил в произведение, изучив русские летописи и другие исторические материалы.



⁵ Русские народные былины. По сборникам Кириши Данилова, Рыбникова, Киреевского и Гильфердинга. М.: Издание Т-ва И. Д. Сытина, 1904. С. 136.

Глава 1. О свадебных чинах как обрядовых персонах

Свадьба относится к семейным обрядам (наряду с рождением и похоронно-поминальным), но является единственным из них, который выстраивается с помощью так называемых свадебных чинов, то есть руководителей торжественной церемонии и помощников главных действующих лиц – жениха и невесты, а также всех остальных участников. Их насчитывается более 400, а впервые они были систематизированы в статье «К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов» П. С. Богословского (1927), в отдельном оттиске «Пермского краеведческого сборника», выпуск 3. Позже их перечень дополнили ученые, сделавшие новые записи свадьбы в различных регионах России.

Впервые термины «Чин свадебной», «Чин меньшей свадебной» и «О чину свадебном» даны в составе разделов (глав) в «Домострое», рукописном памятнике XV–XVI вв., и обозначают там последовательность ритуалов с момента «зговора». В «Древней российской вивлиофике» Н. И. Новикова такие летописные документы начиная с XVI в. озаглавлены как «Розряд свадьбе». Глава 67 в «Домострое» названа «Чины на свадьбе» (с подразделом «Ин чин свадебной») и посвящена участникам с указанием их ролей. «Домострой» предположительно создан в Новгороде и распро-

странялся в списках; в XVI в. он упорядочен протопопом Сильвестром (так называемая Сильвестровская редакция). Впервые опубликован «Домострой» в 1849 г., далее переиздавался в 1867 г. и в последующие годы по разным спискам; не во всех них имеется описание свадьбы. Обрисовка свадьбы в «Домострое», особенно в разделе «О чину свадебном», очень похожа на сообщения о свадьбах князей и царей в «Древней российской вивлиофике» Н. И. Новикова и в сочинении «О России в царствование царя Алексея Михайловича» Г. К. Котошихина (1666), только дана она в обобщенном виде, в форме некоего канона. В «Домострое» фигурируют те же свадебные чины и их действия, названия ритуальных моментов с соответствующей атрибутикой, перечень одежды и кушаний, описания конкретных частей дома и подворья, где происходят обрядовые события. Такое сходство свидетельствует о том, что свадьбы в средневековом Московском государстве проводились по севернорусскому свадебному типу, что логично для династий Рюриковичей и пришедших им на смену Романовых.



Венчание. Иллюстрация из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно», сер. XVII в. 1906. С. 215. Офорт.

National Gallery of Denmark (Statens Museum for Kunst)

«Чин свадебный» – это канцелярский оборот, созданный по аналогии с терминами великокняжеского и царского делопроизводства, которое отражено в «Историческом известии об упомянутых старинных чинах в России» из много-томной «Древней российской вивлиофики» Н. И. Новикова и в других трудах. В сочинении «О России в царствова-

ние Алексея Михайловича» Г. К. Котошихина упомянуты «свадебные чиновные люди» и «свадебный чин», в том числе «первый чин», «второй чин» и др. Под ними понимались придворные, военные и вообще государственные должности и титулы, перенесенные на свадебные чины: например, *бояре* и *боярыни*, *тысяцкий*; новобрачные на три дня получали наименования *князь молодой* и *княгиня молодая*. Эти и другие обозначения лиц с их ролями на свадьбе восходят к средневековому княжескому и воинскому быту.

Впервые в исследовательских трудах обрядовая терминология встречается в «Сказаниях русского народа» И. П. Сахарова (1836–1837), в книге VI, в главе «Русские свадебные чиноположения». Там сообщается, что они «начинаются с конца XV столетия и в самой сущности своей есть не что иное, как наставления, кому и что делать в суетливые свадебные часы»⁶. В современном понимании термин «чины свадебные» зафиксирован во втором выпуске «Великорусса в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.» П. В. Шейна (1900). В «Абевега русских суеверий» М. Д. Чулкова (1786) в рубрике «Брак» схематически прочерчен свадебный обряд, но не упоминаются свадебные чины, кроме жениха, невесты и ее младшего брата.

Свадебные чины в разные дни по ходу обряда свадьбы

⁶ Сахаров И. П. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. В 2 т. 2-е изд. СПб.: В тип. Сахарова, 1849. Т. 2. Кн. 5–8. 679 с., с разд. пагинацией (1-е изд. – в 3 ч., 1836–1837, 2-е изд. – в 3 ч., 1830–1840).

избирались и назначались из близкого окружения жениха и невесты (односельчан, друзей и дальних родственников). Наименования они получали согласно своей свадебно-ритуальной роли и с учетом положения в обществе (например, *дружко́* и один-два *полудружья*, подруга невесты и ее *по дружски*, *поезжане*, *повозник*, *свечник*, *каравайницы* и др.). Эти чины и *поезд*, *поездные* отмечены уже в описаниях княжеских и царских свадеб начиная с 1500 и 1547 гг., опубликованных в «Древней российской вивлиофике» Н. И. Новикова в конце XVIII в. Часть свадебных чинов обусловлена имеющимся действительным родством (например, крестная мать жениха становится *свахой*, младший брат невесты играет собственную роль «продавца» сестры и т. п.). Некоторые чины, преимущественно главные, обладающие большим авторитетом и прекрасными навыками театрализации и сценического перевоплощения, знанием свадебного репертуара и магического фольклора, даром красноречия и умением руководить праздничным процессом, приглашаются на многие свадьбы в своем населенном пункте и становятся своеобразными профессиональными ведущими: в первую очередь это касается *дружка* (распорядителя на торжестве), часто – еще и *свахи*.



Глава 2. Свадебный сезон и композиция свадьбы

Свадебные чины вовлекаются в праздничное действо в разные моменты. Хронологически первой оказывается *сваха* (часто со *сватом*) со стороны жениха: именно со сватовства начинается длительный свадебный обряд. Он проводится в осенне-зимне-весенний период – так называемое свадебное время – и «обнимает» собой иногда два-три календарных сезона. Свадьбы не устраивались летом, когда почти все население (в Российской империи оно было преимущественно сельским) занималось полевыми работами и еще не созрел урожай. Венчание на брак не совершалось (и не разрешается сейчас) в большие посты и постные дни, на Святки, Масленицу (Сыропустную седмицу) и в Пасхальную неделю, накануне двунадесятых (Рождества Иисуса Христа, Крещения, Сретения, Благовещения, Входа Господня в Иерусалим, Вознесения, Троицы, Преображения, Успения Богородицы, Рождества Богородицы, Воздвижения Креста Господня и Введения во храм Богородицы) и храмовых праздников, перед днем Усекновения главы Иоанна Предтечи (29 августа / 11 сентября ст./н. стиля), также в дни тезоименитства царствующих особ. По завершении торжества свадебные чины утрачивали обрядовый статус и наименования, в отличие от подобных «народных должностей» участников дру-

гих обрядов. Например, от повивальных бабок (*повитух, бабок, бабушек*) при рождении ребенка, «читалок» Псалтыри и плакальщиц (*плачей, причитальщиц, причётниц, воплениц, вильниц*), которые на похоронах славились своими умениями и приглашались снова при повторении ситуаций.

Свадебный сезон различался в разных географических зонах, что, вероятно, обуславливалось стратегией сельскохозяйственных работ. На Русском Севере в первую очередь учитывались рыбная путина и сезонность охоты, на юге – время посевов зерновых культур, сенокоса и уборки урожая. Для расположенных к северу от Москвы территорий характерен свадебный период от Рождественского мясоеда до Великого поста (то есть в зимнее время), для более южных земель он оказался шире – с Фролова дня (со Дня святых Флора и Лавра 18/31 августа), далее на Ивана Богослова (27 сентября / 9 октября), на Покров (1/14 октября) и до Красной горки, то есть с ранней осени по весну. Свадьба – единственный из семейных обрядов, приуроченный к сельскохозяйственному календарю, что вызвано ее родством с календарными обрядами. Общинный характер праздника и его вписанность в календарную обрядность проявляются в том, что во многих селениях старались назначать свадьбу в один день – вероятно, в приходской праздник, когда в крупных селах один-два священника венчали несколько десятков будущих семейных пар; таинства обручения и венчания совершались с каждой четой отдельно. В этом прослеживают-

ся пережитки родового обряда инициации, то есть одномоментного возведения группы людей в новое социовозрастное положение.

Классическая свадьба – наиболее продолжительный из семейных обрядов: в сокращенной версии она все равно занимала не менее трех дней. Свадебное действо подразделялось на три неравные хронологические части: *довенчальную* (длившуюся порой несколько месяцев), *день венчания* и *послевенчальную* (занимавшую один-два дня и дополненную гостеванием у близких родственников и посещением родни новобрачной на Масленицу в первый год). Каждый этап состоял из множества ритуалов и ритуальных действий, подготавливавших создание семьи и чествовавших новобрачных и их родителей.

Свадьба происходила на двух территориях: во-первых, в родительском доме невесты и на их усадьбе; во-вторых, в семье жениха и на их подворье, куда переезжала новобрачная. В южных губерниях практиковалось устройство «хаток» (маленьких домиков) и «мазанок» (пристроек, но с собственным входом) для молодых на подворье большой патриархальной семьи мужа; со временем супруги совсем отделялись и строили свой дом. Редким исключением становился обычай «*принять в дом*» зятя (то есть новобрачная оставалась у своих родителей с мужем). Причины бывали следующие: жених приехал издалека и хотел поселиться в данной местности; в какой-то семье росли одни дочери; отец девуш-

ки обладал солидным состоянием; невеста была сиротой и проживала в родительском доме и др. Такой зять получал обидное прозвище «примак», но обладал правами сына. Вот почему на эти условия соглашались парни-сироты или, наоборот, сыновья из многодетной семьи с множеством братьев, но требовали отписать им полдома уже при жизни главы семьи (см. далее).

Кульминационной точкой свадебного обряда православных русских в области права оказывалось церковное венчание (оно сохранилось до сих пор и имеет большое значение для верующих, но уже не обязательно в юридическом смысле). До Октябрьской революции 1917 г. семейный статус молодоженов устанавливался таинством венчания и записью в церковной книге. До этого священник трижды в разные дни проводил «оглашение» (по-народному «*оклички*»), спрашивая в конце храмовой службы у прихожан, известны ли им какие-либо препятствия к совершению бракосочетания. Такowymi считались близкая степень родства жениха и невесты, духовное родство, данное кем-то из них обещание сочетаться браком с другим избранником, состояние в браке, слишком юный или старческий возраст, исповедание иной веры, опасная болезнь, недееспособность. Чтобы сведения о женихе и невесте были достоверными, венчаться позволялось только по территориальному признаку – там, где жил хотя бы один из них. Этот принцип сохраняли и в Советском государстве при наличии паспортов, но при отсутствии

единой информационной системы делопроизводства. Однако в период между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. он нарушался; так, известно о венчании С. А. Есенина с З. Н. Райх 30 июля 1917 г. в Кирико-Иулиттовской церкви близ г. Вологды, где «поручителем» (то есть свидетелем) был поэт А. А. Ганин, уроженец Вологодской губернии, а вся троица друзей приехала из Петрограда. Паспорта в Российской империи появились существенно позже, чем свадебный обряд и таинство венчания, они выдавались на определенный срок только лицу, временно уезжавшему из родного населенного пункта (обычно села или деревни) на учебу или заработки в ином месте.



Глава 3. Народные названия свадьбы и их смысловые наполнения

Известно несколько русских народных названий обряда, среди которых два созвучны: это «свадьба» (присутствующее у всех славян в разных огласовках – «сва́тъба», «свадьба» и др.) и «сва́рьба» («сва́рба»). По данным академического «Словаря русских народных говоров», второе тоже относится к празднеству и группе участников свадьбы, но оно было характерно для населения, которое проживало к северу от Москвы и переселилось оттуда на юго-восток вниз по Волге и в Сибирь: вместе с вариантом «сва́рба» и «ответвлениями» от него оно отмечено в Архангельской, Новгородской, Псковской, Вологодской, Ленинградской, Ярославской, Костромской, Горьковской (Нижегородской), Владимирской, Тверской областях, а также в Пензенской, Ульяновской (бывшей Симбирской губернии) областях, в Марийской и Башкирской республиках, в Томской, Новосибирской областях, Красноярском крае, в Тобольской губернии, в Прииртышье. В речи жителей этих губерний (областей) звучали и родственные словечки: «сварьбе́нка» и «сварбе́нка», «сва́ребка»; «сва́ребешный» и «сва́рьбешный», «сва́ребенный», «сва́ребный», «сва́рьбишный», «сварби́ишный»; «сварби́ть» – говорили о начале сватовства или свадьбы; «сва́ребничать» – праздновать свадьбу; «сва́ребник» и «сва́ребница»; «свареб-

жа́нин» и многие «сваребжа́на», «сваребжа́ны»; «сваребу́шки» – участники свадьбы; «сва́реби́чик», «сваребья́нин» и «сваребья́нка», многие «сваребья́на», «сваребья́ны»; и даже более редкое слово «сва́ренка», то есть свадебная песня. В Вологодской губернии невеста в причитании приглашала умершую матушку:

*На мою сварбу бедную,
На мою сварбу сиротскую!*⁷

География распространения и большое множество одно-коренных слов показывают, что эти народные термины не случайны. Территориально они встречаются в севернорусском типе свадьбы (см. ниже).

Хотя в четырехтомном «Этимологическом словаре русского языка» Макс Фасмер указывал родство «свадьбы» со «сватом», а «сварьбы» – со «сварой», то есть со ссорой, еще в XIX в. находились ученые, предполагавшие иное происхождение этих слов. Первое они (например, сотрудник «Филологических записок» И. М. Желтов) возводили к глаголу «сводить» (см. «сводничать», «сводник»), второе – к «сваривать» (так думал профессор И. В. Ягич). Сравните свадебную приговорку-просьбу матери жениха при затирании браги (то есть при начале ее приготовления) и дружка перед по-

⁷ Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. В 2 вып. Вып. 2. СПб.: Тип. Императ. академии наук, 1900. С. 412. № 1385.

ездкой в церковь: «Кузьма-Демьян, Михайла Архангел, скуй нам свадьбу ладну, милу» (с. Рыкова Слобода и с. Мервино Рязанской губернии и уезда). Также «сковать свадьбу» просили у тех же святых в закликательной свадебной песне: «Да скуй ты нам свадьбу, / Да двух младенцев, / Да двух неженатых» и «Скуй нам свадьбу / Двух пороженных, / Двух положеных» (Зарайский уезд и с. Заболотное Данковского уезда Рязанской губернии). Святые Козьма и Дамиан почитались в народе не только как братья-врачеватели, но и как кузнецы, а в свадебном фольклоре их объединили в одну личность – Кузьма-Демьяна, Козьму Демьяновича.

Уроженец д. Шаблово Кологривского уезда Костромской губернии, знаток местного фольклора, учитель, художник и писатель Е. В. Честняков (1874–1961) делал записи свадебного фольклора, – очевидно, когда сочеталась браком его сестра Татьяна Готовцева. Еще он изображал в прозе и стихах народную свадьбу и употреблял соответствующие диалектизмы своей малой родины, например, в прозаическом произведении с условным названием <«Воспоминания о дедушке»>: «На сварьбу... на сварьбу к тетушке Груне поехали с дедушкой Самойлом...»⁸ В стихотворении «Я избушку отворял...» он использовал региональный свадебный чин с тем же словесным корнем:

⁸ Честняков Е. В. Сказки, баллады, фантазии / Сост. Р. Е. Обухов. Вст. ст. Р. Е. Обухова и М. А. Васильевой. М.: Моск. учебники, 2012. С. 38.

*И сидели за столом
Сваребьяна с женихом*⁹.

На более ограниченной территории России также бытовали редкие диалектные слова, обозначающие свадьбу, ее участников и фольклорные жанры: «сва́льба», «сва́лебка» и «сва́льва»; «свальби́ть» – проводить свадьбу; «сва́лебный» и «сва́лбиинный»; «сва́лебицк», «свалебжа́нин», «свалебжа́нка» и «свалебжа́на», «свалебжа́не», «свалебжа́ны»; «свальбя́на» – гость, гостья и гости на свадьбе. Эти фонетические варианты отмечены в Вятской губернии (Кировской области) и на примыкающей к ней части Костромской губернии, а также в Пермской губернии, Башкирии и Сибири, то есть на тех землях, где русские тесно соприкасались с коренными жителями-неславянами и могли видоизменить исходные славянские слова под их влиянием.

Менее существенное различие, однако наблюдаемое в разных географических зонах, свойственное северному и южному говорам и, соответственно, севернорусскому и среднерусскому типам свадьбы, касается слова «невеста». Разницу подметил В. И. Даль: «<...> нявиста и нявистка (кои и действительно в этот словарь Академии приняты), но также невеста и нёвеста <...>»¹⁰

⁹ Честняков Е. В. Сказки, баллады, фантазии / Сост. Р. Е. Обухов. Вст. ст. Р. Е. Обухова и М. А. Васильевой. М.: Моск. учебники, 2012. С. 56.

¹⁰ Даль В. И. О русском словаре. Читано в Обществе любителей российской словесности, в частном его заседании 25 февр. и в публичном 6 марта 1860 года //



Глава 4. История записей древнерусской и дальнейшей свадьбы

Фиксации обрядовой стороны княжеской и царской свадьбы известны с конца XV в.: из «розрядов свадьбе», «чинов свадебных» и описаний бракосочетаний правящих особ за 1500–1646 гг., опубликованных в многотомнике «Древняя российская вифлиофика» Н. И. Новикова; из труда «О России в царствование Алексея Михайловича» Г. К. Котошихина (1666).

Первым письменным документом о свадьбе оказались дела дипломатических отношений Московского государства с Великим княжеством Литовским за 1492–1495 гг.: Елена Ивановна, дочь великого князя Ивана III Васильевича, была просватана и обручена в Москве, а потом обвенчана по католическому обряду с участием православного священника в г. Вильно с литовским князем Александром. Это единственная запись о заочном княжеском обручении, последовавшем 6 февраля 1494 г. за начатыми в ноябре 1492 г. переговорами о сватовстве с послами из Литвы. После того как Иван III выразил окончательное согласие, пару заочно обручили по православному канону в Москве: «И князь велики, сед с великою княгинею, и княжна тут же, да и бояре, и послали по них, да и обручянье тут было, молитву священники молвили, кресты с чепями <цепями> и перьстни меняли; и в велико-

го князя Александра место обручал пан Станислав Янович, староста жемонтьский. А Петра оставили того деля, что ему другая жена»¹¹ (то есть второго посла отстранили от участия в таинстве из-за того, что он состоял в повторном браке).

Интересно, что и в XIX–XX вв. русские крестьяне использовали форму заочного сватовства: например, в Рязанской области уже в конце XX – начале XXI в. нам неоднократно рассказывали, что жених подрядился в пастухи в отдаленном населенном пункте, его родители пришли сватать девушку и поставили рядом с ней палку с жениховой шапкой. Они получили согласие, так как семьи знали и уважали друг друга, а свадьбу сыграли в осенне-зимнее время, когда парень вернулся в родное селение. Но мужская шапка являлась важным символом – это видно хотя бы по словам женихова свата в Судогодском уезде Владимирской губернии: «Я пришел к вам не силком отнять вашу дочь, а по чести да по родству. Только вы знаете, что в девках не век же вековать. Она у вас девка пригожая, разумная: пристроил, так и дело в шапке»¹².

¹¹ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 1. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством в царствование великого князя Ивана Васильевича. Ч. 1 (годы с 1487 по 1533) / Напечатано под наблюдением Г. Ф. Карпова. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К, 1882. С. 124.

¹² Шейн П. В. Великорусс в своих песнях... С. 673.

Alexander
R. Polonię

Helena
cōiūx.



Литовский князь Александр и Елена Ивановна, дочь вели-

кого князя Ивана III Васильевича. Фрагмент гравюры, XVI в.
Biblioteka Narodowa

Первая зафиксированная в рукописи очная московская свадьба состоялась в 1500 г., когда князь Василий Данилович Холмский женился на княжне Софье, дочери Ивана Васильевича, великого князя всея России. Средневековая свадьба русского народа известна из «Домостроя» (с новгородской традицией 1560-х гг.), из «записок» и других документов иностранных путешественников в Московию. Среди таких переводных трудов – краткие путевые записки и энциклопедически солидные монографии послов и других важных особ из Англии, Франции, Германии, Австрии, Италии, Дании, Швеции, Чехии, Польши, оказавшихся в Московском государстве по военным и торговым делам, в составе религиозной миссии, служивших врачами при царском дворе и т. п. В книгах иностранцев привлекательны их оригинальные наблюдения за русской свадьбой вместе с сообщениями москвичей и жителей других регионов России, с выдержками из богословских книг, с сопоставлением обряда с подобным же на их родине. Некоторые авторы книг о Московии там не были, но основывались на сторонних источниках: например, в «Книге о посольстве Василия, великого государя Московского, к папе Клименту VII» Павла-Иовия Новокомского впервые описаны княжеские смотрины со слов толмача Димитрия Герасимова в 1525 г.

Известны работы иностранцев о русской свадьбе: «Путешествие в Московию Рафаэля Барберини, в 1565 году»; «Начало и возвышение Московии. Сочинение Даниила Принца из Бухова, советника императоров Максимилиана II и Рудольфа II, и дважды бывшего чрезвычайным послом у Ивана Васильевича, великого князя Московского»; «О государстве Русском, или Образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем Московским» Джона Флетчера; «Описание путешествия в Москву римского императора Николая Варкоча, с 22-го июля 1593 года»; «История о Великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года»; «Путешествие в Персию через Московию 1602–1603 гг.» Стефана Какаша и Георга Тектандера; «Свадьба Отрепьева. Из записок Георга Паерле»; «Краткое повествование о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, бывших в непродолжительный период царствования нескольких государей ее, до 1610 года» Исаака Массы; «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» Адама Олеария; «Москва в 1612 г. (Отрывок из Записок Маскевича)»; «Записка Юрия Крижанича о миссии в Москву в 1641 г.»; «О дворе Российском при царе Алексее Михайловиче» Сэмюэла Коллинса (Коллинза); «Путешествие по Рос-

сии голландца Стрюйса»; «Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского Леопольда к великому царю Московскому Алексею Михайловичу, в 1675 году»; «Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу» Балтазара Койэта; «Московия, или Известия о Московии, по открытиям английских путешественников, собранные из письменных свидетельств разных очевидцев...» Джона Мильтона; «Дневник Иоанна Георга Корба во время посольства императора Леопольда I-го в Московское государство в 1698 г. и проч.», а именно глава «О браке»; «Состояние России при нынешнем царе. Другое и более подробное повествование о России» капитана Джона Перри; «Путешествие через Московию Корнилия де Бруина», в том числе в главе VI «Великолепная свадьба одного любимца Его Царского Величества»; «Бывшего полкового священника, магистра Генриха Седерберга заметки о религии и нравах русского народа во время пребывания его в России с 1709 по 1718 год»; «Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711)». За ритуалом бани крестьянской невесты накануне дня венчания в с. Троицкое под Москвой наблюдала англичанка Кэтрин Вильмот, также запечатлевшая три свадебные песни в письме от 21 октября 1806 г. к княгине Е. Р. Дашковой.

Этот солидный, хотя и неполный, список свидетельствует о том, что иностранцы понимали огромную культурную ценность русской свадьбы как национального достояния и ее

роль в идентичности народа. И русские горожане, утратившие связь со своими предками-крестьянами, обретали чувство родства с ними, изучая народный свадебный обряд и его поэзию хотя бы по книгам. А сельские жители вплоть до конца XX в. сохраняли свадебный фольклор в своей памяти и реальном исполнении, в живом бытовании песен, плачей и приговоров участников свадьбы. Подборка описаний иностранцами русских свадеб XVI – начала XIX в. дана в основном корпусе и комментариях в первом томе «Обряды и обрядовый фольклор» пятитомника «Фольклорные сокровища Московской земли» (1997).

Труды иностранцев с этнографическими описаниями свадьбы и других русских обрядов начали переводить на русский язык уже после того, как они вышли у них на родине. Большинство работ опубликовали в России в XIX в., а некоторые и позже, часто в журнальных вариантах. Соответственно, история русской свадьбы не изучена и не проанализирована до сих пор, обобщающих трудов по ней нет (в отличие от мифологических и иногда довольно произвольных трактовок относительно многих свадебных ритуальных моментов, которым придается излишняя архаизация).

В 1516 г. начал первое путешествие в Московию барон Сигизмунд Герберштейн, сообщивший в «Записках о московитских делах» об обычае «навязывать» невесту жениху ее отцом как об оригинальном способе заключения брака.

Важно то, что записи конкретной свадьбы иногда велись

сторонним иностранным наблюдателем и русским знатоком традиции параллельно, и такие материалы не дублируют, а органично дополняют друг друга, потому что относятся к разным этапам обряда. Таковы сведения о втором браке царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной в 1671 г. из «Сказаний светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии» Якова Рейтенфельса и из «Древней российской вивлиофики» Н. И. Новикова. Яков Рейтенфельс описал, как царь выбирал невесту при тайном смотре, который состоялся у Артамона Сергеевича Матвеева, управляющего царским двором. Царь потаенным ходом пришел к нему в дом и спрятался в тайную комнату. Оттуда ему была видна другая зала, назначенная для самых знатных девиц, прославившихся красотой, и он внимательно рассматривал их. Далее Яков Рейтенфельс упомянул недавно исчезнувший обычай интересоваться у верных прислужниц насчет физической и нравственной добродетели трех предварительных избранниц. Проницательный царь обошелся без такой сторонней услуги. Затем автор сообщил об официальных сватах – боярах в каретах в сопровождении небольшого конного отряда с трубачами, о царских дарах – собольих мехах. Ритуалы собственно дня венчания описаны в русской летописи: «<...> своей государской радости изволил быть в 22 день, в воскресенье» (месяц не назван); из свадебных чинов перечислены тысяцкий, дружка, свахи, посажёные родители – «в отцово место» и «в мате-

рино место» (имя отсутствует); обозначены основные ритуальные действия: «У государевой свечи...», «Коровай нес-ли...», «Поезд наряжал...», «У царицы у саней...», «У сенника боярин...».

Показательно, что впервые фольклорные свадебные произведения – в пересказах и переводах – записали иностранцы. Слова молодых при растаптывании стеклянной чаши из-под выпитого вина в церкви, приговор отца при ударе плетью невесты и ее плач во время перехода в дом мужа донесли до нас Петр Петрей в 1601–1611 гг. и Иоганн-Георг Корб в 1698 г. Русские летописцы отражали только обрядовую сторону свадьбы и перечисляли имена-фамилии участников, которые являлись свидетелями брачного торжества и тем самым удостоверяли его юридическую силу. Летописцы составляли документ – своего рода отчет о свадьбе – и, очевидно, полагали, что словесное сопровождение не относится к делу и оно известно соотечественникам, знатокам фольклорной традиции.

Некоторые свадебные ритуальные моменты русских удивляли иностранцев и вызывали их неодобрение. Так, в «Описании неизвестного англичанина, служившего зиму 57–58 годов при Царском дворе» о свадьбе 1557–1558 гг. сообщается: «Когда слюбятся обе стороны, жених посылает невесте сундучок или ящик, в котором лежат: кнут, иголки, нитки, шелк, холст, ножницы и т<ому> под<обные> вещи, которыми она должна будет работать, когда сделается его женой,

иногда еще изюм, винные ягоды и т. п., давая ей понять этими подарками: кнутом – если оскорбит мужа, то будет бита им; иголками, нитками, холстом – что она должна прилежно заниматься шитьем и работать, что лучше умеет; изюмом и плодами он обещает, что при хорошем своем поведении у ней не будет недостатка ни в какой хорошей вещи, ничего не будет слишком дорогим для нее»¹³.

В свадьбе XIX – начала XX в. жених привозил на девичник дары и гостинцы невесте, а утром перед венчанием ее отец вручал ему плетку или кнут с особой приговоркой: «Люби жену, как душу, / Тряси ее, как грушу». В д. Жданово Касимовского уезда Рязанской губернии жених бил невесту плеткой до трех раз перед поездкой к венцу. В с. Кидусово Спасского уезда Рязанской губернии жених, взяв лошадь у верхового и сев на нее, возвращался от свадебного поезда, чтобы пригласить невестиных родителей на пир, а потом объезжал поезжан три раза и ударял невесту ремненным кнутом в спину с приговоркой: «Отставай от отча <так!>, от матери, привыкай к мужню норову»¹⁴. Этот обычай был подмечен у русских в Московском государстве иностранцами, находившими его «отвратительным».

¹³ Фольклорные сокровища Московской земли. В 5 т. Т. 1. Обряды и обрядовый фольклор / Сост., вступ. ст. и коммент. Т. М. Ананичевой, Е. А. Самоделовой. М.: Наследие, 1997. С. 57. № 12.

¹⁴ Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. В 3 вып. Пг.: Тип. А. В. Орлова, 1916. Вып. 3. С. 1178. № 22.

За те пять столетий – с XV по XX в. – документально зафиксированной русской царской и народной свадьбы она в целом мало изменилась, что связано с неторопливым течением патриархальной крестьянской жизни, с общинными устоями сельского сообщества. И только смена государственного устройства в XX в., две мировые войны, электрификация и индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства, проведение радио и появление телевидения, а потом и магнитофонов привели к стремительному разрушению народного свадебного обряда и к утрате его классической многовековой формы.

Некоторые негласно-нормативные манеры в ритуальном поведении русских на свадьбе иностранцы трактовали как притворство и некое театрализованное представление. Так, о свадьбе 1557–1558 гг. в «Описании неизвестного англичанина, служившего зиму 57–58 годов при Царском дворе» сообщено: «Когда следует идти в церковь, невеста ни за что добром туда не идет, а упорствует и спорит с убеждающими ее идти и притворяется плачущею до того наконец, что 2 женщины выводят ее и ведут в церковь, плотно закрывши ее лицо, чтоб притворство ее не могло быть открыто замечено; невеста же производит большой шум, как будто рыдает и плачет, до самого прихода в церковь, где снимают покрывало с ее лица»¹⁵. До середины XX в., пока родители невесты

¹⁵ Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. В 3 вып. Пг.: Тип. А. В. Орлова, 1916. Вып. 3.

решали, за кого ее выдать замуж, и не спрашивали ее согласия, хотя формально та имела право отказаться, просватанные девушки искренне рыдали. Кроме того, они навсегда покидали родной дом и переезжали к мужу, где подпадали еще и под власть свекра и свекрови, золовок и деверьев с их женами. В любом случае, согласно трактовке французского этнографа Арнольда ван Геннепа, высказанной в монографии с «говорящим» заглавием *Les rites de passage* («Обряды перехода», 1909), свадьба относилась к таким инициационным обрядам, менявшим социально-возрастной статус человека.



Свадебный пир. Невеста в покрывале, садится рядом с женихом. Иллюстрация из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно», сер. XVII в. 1906. С. 213. Офорт.

National Gallery of Denmark (Statens Museum for Kunst)

Краткие схемы свадебных ритуалов отмечены уже в летописях Древней Руси, начиная с «Повести временных лет» монаха Нестора. Этот летописный свод был создан в Киеве, датируется 1110-ми гг. и известен по шести спискам XIV–XVI вв. Там подчеркиваются различия в том, как проходили свадьбы у разных древнерусских племен и племенных союзов, но под влиянием политических воззрений летописца сделано это тенденциозно: поляне «брачный обычай имяху: не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечерь, а завѣтра приношаху по ней что владуче»; про древлян сообщается, что «брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвиця»; что касается радимичей, вятичей и северян («сѣвер»), «бращи не бываху въ них, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская пѣсни, и ту умыкаху жены собѣ, с нею же кто сѣвѣшася; имяху же по двѣ и по три жены»¹⁶.

Московские летописи включали писцовые формулы, выстроенные по хронологии свадебного обряда, но не содержа-

¹⁶ Повесть временных лет / Подготовка текста Д. С. Лихачевым. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. (Сер.: Литературные памятники). С. 14–15.

ли фольклорных произведений. Описание велось по таким словесным клише: «Лета... года, <название месяца> в день, в <день недели>, свадьба...» или с продолжением «жениться великому князю», «приговорил государь и великий князь... брата своего... женити». И далее: «А мыльню топили и были у мыльни...», «А у воды были...», «А у платья у княжова был... и с белым платьем и с поясы ходил...», «А колпак великого князя держал...», «А у коня был и ездил около подклета...», «А свечу княжую несли...» и др. О том, что описания строились по формуле, свидетельствуют частые и почти дословные, иногда совсем точные повторы фрагментов, а также намеренные пропуски в них отдельных чисел в датах и имен должностных лиц, притом что свадебные чины указывались. Такое описание свадьбы построено на однотипности синтаксических конструкций с единоначатиями: «А на места положить зголовья шитые...», «А княжнин дружка подает ширинки <полотенца>», «А объездив монастыри, пришлет весть...» Традиционность обряда и каноничность его письменной фиксации иногда подчеркнуты отсылкой к предыдущему сообщению: «<...> а чин был свадебной как были свадьбы отца его... писан тот впереди»¹⁷. Таких записей известно семнадцать, их точные датировки дают возможность проследить исторические изменения в великокняжеских и царских свадьбах – при сохранении обрядового канона.

¹⁷ Новиков Н. И. Древняя российская вивлиофика. В 20 ч. Изд. 2-е. М.: В тип. Компании типографической, 1790. Ч. 13. 458 с.

Средневековая свадьба Московии имела разветвленную терминологию: «законный брак», «женитба», «свадба» и «радость» (обозначение «каша», известное по сообщению летописи об Александре Невском и далее в московском летописании, встречается и в текстах середины XIX в.). Вот как сообщали о каше – ритуальном блюде, составлявшем целую трапезу после брачной ночи, – на свадьбе у царя и великого князя Михаила Федоровича в 1626 г.: «А после того кормили государя и государыню кашею. А каша была в дву(х) горшочках фарфоровых на одном блюде, обогнуты двумя парами соболей. А держал кашу государев больший дружка; а перед государынею кашу держала большая сваха»¹⁸.

Свадьба Московского государства интересна еще и тем, что в ней уже существовал параллелизм ритуалов: свахи «чешут голову» жениху и невесте, надевают колпак на молодого и «укручивают» молодку в кик и др. Наблюдается и параллелизм свадебных чинов (дружки у жениха и невесты, свахи с жениховой и невестиной сторон и др.), во многом утраченный уже к XVIII в. или, точнее, редуцированный до меньшего числа участников. Их наименования в минувших столетиях связаны с иерархической лестницей придворных слуг и с историческими названиями профессий. Летописями зафиксированы *фонарники, сидячие бояре и боярыни, конюшей, коровайники, поезжалые*

¹⁸ Новиков Н. И. Древняя российская вивлиофика. В 20 ч. Изд. 2-е. М.: В тип. Компании типографической, 1790. Ч. 13. 458 с. С. 171.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.